

Архив русской артиллерии XVII в. и проблемы его изучения

Развитие вооруженных сил в XV–XVII вв. было обусловлено развитием огнестрельного оружия, поэтому артиллерия в армии любого европейского государства справедливо занимала одно из главных мест. Произошедшая в Европе «пороховая революция» в корне изменила облик войн.

В России того времени «огнестрельному наряду» уделялось самое пристальное внимание. Производство орудий на всем протяжении XV–XVII вв. являлось одним из важнейших государственных дел, так как оно было связано с важными элементами экономического развития государства. Артиллерия не просто олицетворяла собой военную мощь, но и являлась своего рода «двигателем прогресса» – именно ее развитие было связано не только с инженерным искусством и фортификацией, но и с ростом горной, пороходельческой, железоделательной и литейной промышленности.

Название статьи и выбор темы не случайны. Еще в 1889 г. под руководством Д.П. Струкова был издан фактически первый обзор документов из архива Артиллерийского музея, названный «Архивом русской артиллерии»¹. Однако неизученность переданных из ГАУ в Артиллерийский музей дел Пушкарского приказа стала причиной того, что своим трудом Д.П. Струков обошел вниманием уникальный комплекс источников допетровского времени.

Под понятием «архив русской артиллерии» мы имеем в виду массив документации из разных фондов государственных учреждений XVII в., отражающий какие-либо сведения об «огнестрельном наряде». Историк, обратившийся к изучению отечественной артиллерии, может быть введен в заблуждение той иллюзией, что будто бы все основные материалы по этой теме должны храниться *только* в делах Пушкарского приказа, ибо самоназвание этого учреждения означает «артиллерийское ведомство». Если исследователь рассматривает функции Пушкарского приказа через призму структур государственных учреждений XVIII–XIX вв. – коллегий и министерств и проводит соответствующие параллели, то делает крупную системную ошибку. В реальности, несмотря на тенденции к централизации управления, приказная система российского

государства характеризовалась нечеткостью сфер деятельности, параллелизмом функций. Пушкарский приказ являлся лишь централизованным органом производства артиллерии в Москве, но никак не на периферии. Сложная система приказной бюрократии XVII в., при которой сферы деятельности государственного учреждения то сужались, то расширялись, формировала определенные межведомственные отношения с другими государственными учреждениями. По финансовым вопросам артиллерийское ведомство переписывалось с Большим Дворцом, Большой казной, Казенным, Хлебным и четверными приказами. По вопросам материального снабжения велась переписка с Каменным (материалы на крепостное строительство и пушечные раскаты), Конюшенным (обеспечение подвод для орудий, посылка «лошадиного свежего калу» для формовки пушек и др.), Ямским (обеспечение посохи), Аптекарским (пересылка металлов, инструментов, скляниц «для селитренных и зелейных опытов») приказами. По военным вопросам имелись сношения с Рейтарским, Стрелецким, Иноземным, Разрядным, Сибирским, Малороссийским (памяти о присылке в города и полки пушек и снарядов «по образцу», о производстве различных видов боеприпасов) приказами. Вследствие реорганизации некоторых отделов («столов») Пушкарского приказа часть артиллерийской документации кочевала по разным государственным учреждениям, «вливалась» в фонды других приказов, затем, с начала XVIII в., в архивы коллегий, с начала XIX в. – министерств, и ...предавалась забвению на долгие годы.

Фондообразование архива русской артиллерии образно можно представить в виде дерева, «стволом» которого является документация Пушкарского приказа, а ответвлениями – дела других учреждений, чья деятельность так или иначе была связана с артиллерией и артиллерийским ведомством. Подобная «разветленность» создает определенные сложности, отягощенные, кроме того, отсутствием единого фонда Пушкарского приказа в пределах одного государственного архива и распыленностью архивов других приказов. Между тем, главное значение документации Пушкарского приказа в том, что при всей трафаретности и повто-

ряемости она дает объемную картину военной промышленности. Никакой другой источник не может сравниться с ней по степени подробности.

Несмотря на обилие источников, до сегодняшнего времени объем военной продукции и развитие артиллерийского вооружения в России допетровского времени мало изучены. Проблемы в исследовании заключаются в том, что практически отсутствуют работы, непосредственно посвященные источниковедческому изучению архива русской артиллерии XVII в.², которые включали бы в себя не только анализ документов Пушкарского приказа, но также и рассмотрение пласта приказных источников других военных приказов – Разрядного, Стрелецкого, Оружейного и т.д. Разобраться в этом клубке переплетения функций довольно не просто. Поэтому данная статья ни в коей мере не претендует на полноту и завершенность. Даже объем солидной монографии не может технически вместить работу по выявлению всех фондообразователей архива русской артиллерии. Надо учесть, что сам Пушкарский приказ руководил литейными работами только в Москве, а на периферии производство орудий ведалось в «четвертных» (Устюжская четь, Новгородская четь), Разрядном, Оружейном, Малороссийском, Сибирском и других приказах, собрание которых только в РГАДА составляет несколько тысяч единиц хранения. Кроме того, среди документов того же артиллерийского ведомства мы не найдем ни одного дела о боевом применении и тактическом использовании «огнестрельного наряда», так как боевыми действиями на полях Русско-польской 1654–1667 гг., Русско-шведской 1656–1658 гг. и Русско-турецкой 1673–1681 гг. войн руководили Разряд, приказ Великого государя тайных дел и Малороссийский приказ. Поэтому одна из серьезных проблем в исследовании отечественной артиллерии заключается как в определении приказных фондов, содержащих сведения об артиллерии, так и в прослеживании судьбы того или иного приказного архива. Самый характерный и наглядный пример – история главного фондообразователя архива русской артиллерии, Пушкарского приказа.

После пожара 1812 г. долгое время считалось, что его документация полностью погибла. Выявленные в 1830–1870-х гг. Императорской археографической комиссией отдельные акты, по сути, являлись лишь «каплями в море». Е.Б. Сташевский в своей работе отмечал, что «архив Пушкарского приказа не известен и исследователь лишен возможности восстановить подготовленную к войне деятельность приказа во всем ее объеме»³. Также и С.К. Богоявленский ошибочно полагал, как и многие другие исто-

рики, что архив Пушкарского приказа, «хранившийся при Московском Артиллерийском Депо, надо считать погибшим...»⁴. Работы А.П. Лебедевской середины XX в. по Пушкарскому приказу⁵ и судьбе его архива⁶ мало известны научной общественности. До настоящего момента отечественная историография не сформулировала проблемы изучения сохранившегося архива артиллерии.

В результате развития отечественной архивной системы основное количество документов попало в Санкт-Петербург.

В архиве СПбИИ РАН «пушкарские» дела находятся в собрании фонда И.Х. Гамеля (Описи 1, 2 и 3-я дополнительная). В фонде 532 (основное собрание актов и грамот) Отдела рукописей РНБ (ранее – ГПБ) имеется сравнительно немного материалов об артиллерии с 1627 по 1701 гг., прежде составлявшие частные собрания М.П. Погодина, С.Д. Шереметева и Ф.А. Толстого. До 1964 г. в ГПБ находился фонд № 38 (Артиллерийский приказ), содержащий некоторые книги Пушкарского приказа конца XVII в. («Вседневная книга» 1700–1702 гг.; «Опись орудий» 1695 г.; «Книга приходных денег»; «Приходная книга всяких припасов» 1694 г. и др.). В 1964 г. фонд полностью был передан в Центральный государственный военно-исторический архив (ныне РГВИА), и в настоящий момент дальнейшую судьбу этого фонда не удастся восстановить.

Наиболее крупным из всех рукописных собраний является фонд Пушкарского приказа (№1) ВИМАИВиВС, содержащий столбцы и книги артиллерийского ведомства 1627–1700 гг. В фонде приказа Военного морского флота (№ 177) РГА ВМФ хранится переписка с Пушкарским приказом, из которой можно обнаружить данные о производстве и состоянии «огнестрельного наряда» в конце XVII в.

Собрания петербургских архивов составляют примерно 2/3 всех сохранившихся документов Пушкарского приказа.

В Москве материалы Пушкарского приказа по артиллерии находятся в Отделе письменных источников ГИМ (фонд А.С. Уварова), Отделе рукописей РГБ (фонд Н.П. Румянцева), в Российском государственном архиве древних актов. В РГАДА имеются как фондовые включения в другие приказные архивы (фонды Приказных дел старых лет № 141, Разрядного приказа № 210, Оружейной палаты № 396 и др.), так и отдельный фонд Пушкарского приказа № 1470. В составе последнего находятся приходо-расходные столбцы Пушечного двора и Пушкарского приказа за 1650–1651, 1674–1676, 1677–1678, 1699 гг., всего 444 единицы хранения⁷. Таким образом, сведения, сообщенные ранее А.В. Черновым, о том, что в ЦГАДА (ныне – РГАДА) всего 6 дел

Пушкарского приказа⁸, не соответствуют действительности.

Большинство артиллерийских дел Пушкарского приказа посвящены материально-технической стороне «огнестрельного наряда», главным образом литью. Указы, наказы, памяти, сказки, росписи, записи книг учета и другие документы рассказывают об истории создания осадной, войсковой, городской и полковой артиллерии на всех этапах производства – от заказа орудий и до испытаний их на полигонах.

Если Пушечный двор полностью подчинялся Пушкарскому приказу, то Тульские и Каширские железоделательные заводы, специализировавшиеся на выпуске чугунных орудий калибром от 2 до 12 фунтов, только отчасти контролировались артиллерийской канцелярией с 1649 г., но в 1654 г. они были отданы в Большую казну. Затем эти предприятия ведались в приказе Великого государя тайных дел и Оружейной палате. В 1667 г. они вновь отданы в Пушкарский приказ⁹. А в следующем году заводы стали подведомственны Посольскому приказу. В указах этого времени отмечено: «...что надобно будет в Пушкарский приказ, и то отсылати и ссылатся о том памятьми...»¹⁰ И если книги учета производства и приходо-расходная документация не уцелела до наших дней, то сохранились переписные, описные и отказные книги заводов, которые составлялись при передаче заводов из приказа в приказ¹¹. Подробные описи заводского имущества, складов и военной продукции позволяють оценить масштабы производства орудий.

Небезынтересно упомянуть здесь о документах, в которых отражены сведения, пусть даже и мимолетные, касающиеся производства оригинальных, экспериментальных образцов русского оружия. Так, в приказных архивах можно найти упоминания о «пищалих, что с лошадей стреляют» (челобитная Х. Иванова 1661 г.)¹², «деревянных пушках» (дело 1671 г.)¹³, ручных мортирках (роспись 1678 г.)¹⁴, «складных» и «разборных» мортирах (записи 1692 г.)¹⁵ и др.

Источники по истории осадной артиллерии

Вся промышленная документация о производстве тяжелой осадной артиллерии хранилась в архиве Пушкарского приказа. В настоящее время корпус промышленной документации по этой теме нельзя назвать полным. Разрозненные акты из ОР РНБ и ОПИ ГИМ, к примеру, упоминают об отдельных случаях отливки тяжелой артиллерии и не дают целостной картины производства. В этом случае достаточно информативны приходо-расходные и записные книги Пушкарского приказа (РГАДА. Фонд № 1470; АВИМАИВиВС. Фонд № 1; АСПБИИ РАН. Фонд 175), среди

которых не мешает отметить «Книги расходные» за 1644–1645, 1655, 1683 гг.¹⁶, «Книгу приходо-расходную пушкам и пищалям, находящимся в Москве...» 1694 г.¹⁷, ««Тетрадь записную всяким делам денежного стола» 1700 г., отражающую моменты литья с 1660-х по 1690-е гг.»¹⁸ и др. И, наконец, особняком стоят росписи московских орудий¹⁹, которые также представляют собой ценный источник. По ним можно реконструировать пушечное производство с XVI в., узнать, какие орудия отличались, их характерные признаки и размеры. При сравнении их с другими документами открывается впечатляющая картина артиллерийского производства в Московской Руси.

Но по перечисленным материалам невозможно узнать, каким образом отлитые орудия вписывались в структуру постоянно пополнявшегося «государева большого осадного наряда». Для выяснения организации осадного инженерно-артиллерийского корпуса русского войска XVII в. необходимо привлечь документы Разрядного приказа (РГАДА. Фонд 210) и Оружейной палаты (РГАДА. Фонд 396)²⁰.

В описях и сметных книгах Москвы, Пскова, Новгорода и Смоленска встречаются уникальные подробные характеристики крупных проломных орудий, которые в случае необходимости могли входить в состав «большого государева наряда». Так, по «сметной книге» 1696 г. в Пскове базировались тяжелые пищали «Троил» (60 фун.), «Аспид» (45 фун.), «Лев» (40 фун.), «Медведь» (40 фун.), «Соловей» (25 фун.), «Раномыжская» (20 фун.), «Барс» (17 фун.), «Грановитая» (15 фун.), «Соловей» (15 фун.), гигантская верховая пищаль «Ягуп»²¹. В Новгороде – пищали «Свиток» (40 фун.) и «Скоропея» (24 фун.)²². В Смоленске, согласно «Описи Смоленску приему пушкарского головы Прохора Шубина» 1671 г. – «Базл» (50 фун.), «Онагр» (47 фун.), «Брат» (35 фун.), «Острая Панна» (35 фун.), «Дедок» (19 фун.), «Левик» (15 фун.), «Лисица» (12 фун.) и др. Как правило, описания орудий включают в себя калибр, вес, длину ствола и характерные признаки, «которая пищаль меры в длину, и сколько весу и признаки московского литья или немецкого». Иностранная артиллерия («по иноземному образцу») также входила в состав осадного парка. С 1632 г., и наиболее массово – с 1654 г., в «большой государев наряд» входил «Большой голландский наряд», по сути артиллерийский полк из 25–34 стволов новейшей нидерландской артиллерии.

Скорее всего, тяжелые голландские орудия закупались через Посольский приказ, привозились к Архангельску и поступали под ответственность Новгородского приказа, в обязанность которого входила их доставка в Москву. К большому сожалению, рассмотреть матери-

ально-техническую часть «Большого голландского наряда» в 1655–1667 гг. не всегда представляется возможным, так как множество ценных документов о комплектовании иностранной артиллерии погибло, среди которых были «росписи Смоленскому и Галанскому пушечному наряду... за рукою дьяка Михаила Воинова»²³. Ни одной «уговорной записи о привозе пушечного образцового наряда» в делах Пушкарского приказа не сохранилось, хотя в «росписи, что отобрано ис Приказу Тайных дел Пушкарского приказу дел» 1676 г. упоминания о таких документах присутствуют, например: «Уговорная запись в тетратех гостя Петра Микляева города Любека з гостем Яганом фон Горном, что ему, Ягану, поставить у Архангельского города 18 пушек по образцам...»²⁴

В этом случае исключительную ценность представляют дела «территориальных столов» Разрядного приказа. В частности, сохранилось дело о доставке «большого галанского наряда» (25 орудий) из Москвы в Путивль в 1673 г., состоящее из указов, «памятей», челобитных и записей Разрядного приказа, которое позволяет в некоторой степени проследить организацию артиллерии «иностранного образца» в России, несмотря на то, что часть сставов находится в плохом состоянии²⁵.

Согласно подсчетам А.К. Левыкина, исследовавшего разрядные материалы южно-русских городов, «Большой государев наряд» к 1670-м гг. состоял из 69 тяжелых и 124 средних орудий²⁶.

Кроме «осадного наряда» в воеводских полках имелась войсковая артиллерия, так называемый «наряд у разрядного шатра». Название обозначает и место расположения орудий – артиллерийский резерв, при воеводе. В каждом военно-территориальном округе (разряде) имелась своя войсковая артиллерия. Документы Разрядного приказа являются незаменимым источником по изучению «наряда у разрядного шатра», так как состав артиллерии комплектовался стихийно руководством из городских и «присыльных» орудий²⁷. Согласно «росписи походу» 1679 г. в Новгородском разряде «наряд у шатра» состоял из 4 орудий калибром в 2, 3, 4, 15 фун., в Казанском – из 10 пищалей калибром в 2 фун. и 2-пуд. мортиры. В Белгороде войсковая артиллерия формировалась «из городов Белгородского полку (разряда. – А.Л.) для походов, потому что в Белегороде такова походного наряду не бывало»²⁸, и включала 8 орудий калибром в 4, 6, 7 фун.

В то же время документы Разрядного приказа не дают никакой информации о нормативной базе комплектования, и, тем самым, вопрос о структуре и организации «наряда у разрядного шатра» остается открытым.

Источники по истории городской (крепостной) артиллерии

С начала XVII столетия Пушкарский приказ осуществлял контроль над всеми крепостями европейской части России. В дальнейшем часть «городовых дел» перекочевала в другие приказы. Сметный список 1629 г. перечисляет только 83, а список 1637 г. – 64 города в ведомстве Пушкарского приказа²⁹. К 1647 г., по неполным данным, городской стол контролировал артиллерию около 100 крепостей³⁰. С конца 30-х гг. XVII в. города Новгородской земли ведались в Новгородской четверти, Приморские города – в Устюжской четверти, Понизовье и Мещерские города до 1672 г. подчинялись приказу Казанского дворца, а «огненный наряд» в Сибирских городах – Сибирскому приказу³¹. Особой неустойчивостью отличались отношения с Разрядным приказом. К примеру, Пронск и Валуйки только с 1626 по 1633 гг. 4 раза переходили под власть того и другого приказа³², что вынуждало одни и те же отписки воеводы посылать сразу в два приказа³³. Как правило, города, не подведомственные Пушкарскому приказу, снабжались артиллерией по запросу.

Архивы московских приказов оставили колоссальный массив документации по истории крепостной артиллерии российского государства. Самыми объемными собраниями обладает РГАДА, фонды которого (ф. 137 «Боярские и городские книги»; ф. 141 «Приказные дела старых лет»; ф. 210 Разрядный приказ, Столбцы и книги разрядных столов, Дела разных городов; ф. 396 Оружейная палата и др.) насчитывают несколько тысяч единиц хранения. Поднять из этого комплекса весь пласт источников по вооружению каждого города практически невозможно по причине именно массовости. Большую роль играют краткие сводные документы по артиллерии Замосковных, Поморских, Заоцких, Северских, Украинных, Низовых и прочих городов, так называемые «описные книги», фиксировавшие происходившие изменения в вооружении крепостей. Источником их составления послужили воеводские отписки о состоянии укреплений. Воеводы старались всегда указать на недостаток орудий, на плохое состояние укреплений, предлагали некоторые рекомендации по решению проблем. Отписки присылались в подведомственные приказы, где информацию делили на несколько частей: сведения об артиллерии заносились в росписи наряда и описные книги, об укреплениях – в описи укреплений, о служилых людях – в сметные списки. Таким образом, описные книги представляют собой своего рода конспект артиллерийского вооружения.

Из всей массы источников по истории кре-

постной артиллерии необходимо отметить «Описную книгу пушек и пищалей, учиненную в царствование Михаила Федоровича» 1647 г. (100 крепостей) и «Опись городов, ведомых в приказе» 1678 г.³⁴, (142 крепости). Даже при работе с этими источниками историк сталкивается с большим количеством данных (до 3500 орудий, несколько тысяч пудов пороха, ядер и т.д.). Поэтому зачастую подобные массовые источники приходится подвергать статистической обработке. В качестве примера количественного анализа «Описной книги пушек и пищалей» 1647 г. можно сослаться на работу А.Н. Кирпичникова³⁵.

Источники по истории полковой артиллерии

Архив Стрелецкого приказа погиб в пожаре времен Анны Иоанновны, а оставшиеся от него крупницы, включенные в состав фондов Разрядного и Малороссийского приказов и Оружейной палаты, доносят лишь мимолетные сведения об артиллерии *стрелецких приказов*. Единственная уцелевшая Записная книга Стрелецкого приказа за 1689/90 гг. также не содержит ценных данных³⁶. В связи с этим практическое значение в выяснении некоторых вопросов стрелецкого наряда имеет переписка Пушкарского и Стрелецкого приказов, отложившаяся в фонде № 1 архива Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи. Здесь важно отметить «роспись медному наряду, которой прислан из дворца» 1671 г.³⁷, дела о присланных из Москвы медных пищалях в стрелецкие полки Г. Соловцова³⁸, И. Волжинского, В. Ефимьева, О. Салова³⁹, С. Родышевского, С. Расловлева⁴⁰, Б. Пыжова, А. Жукова⁴¹, Г. Остафьева, В. Пушечникова, Л. Грамотина, Ф. Головленкова⁴², Ю. Лутохина, И. Полтева и В. Бухвостова⁴³. Полноценным дополнением к этому комплексу источников примыкают также росписи полкового имущества 1678–1679 гг. девяти стрелецких полков, составленные в Белгородском столе Разряда на основании справок из Стрелецкого и Пушкарского приказов⁴⁴. Именно анализ подобных источников позволил рассмотреть заключительные этапы реформ по перевооружению пехотных полков старой формации к 1680-м гг., что и было сделано в нашей статье⁴⁵.

Полковое делопроизводство пехотных соединений «нового строя» раскидано среди тысяч столбцов и книг рукописных собраний.

Дела об *артиллерии драгунских полков* с 1640 по 1676 гг. хранились в Приказе драгунского и солдатского отпуска, который в те времена ведал комплектованием драгунских и некоторых солдатских региментов. К сожалению, его архив в XVIII–XIX вв. разделил печальную судьбу Рейтарского приказа – он погиб в пожарах. Всего 26 единиц хранения

(1646–1648, 1675–1676 гг.) Приказа драгунского и солдатского отпуска было включено в фонд 396 (Архив Оружейной палаты)⁴⁶. Тем не менее, тот массив документации, который остался до наших дней, позволяет обозначить некоторые особенности артиллерийского вооружения «ездящей» пехоты XVII столетия, по крайней мере, со второй половины XVII в.

Так, полковые росписи Московского, Севского и Белгородского столов Разрядного приказа показывают большой «разброс» пушек в драгунских региментах. Если ранее, в Смоленскую войну один из первых сформированных драгунских полков 12-ротный полк Александра Гордона имел на вооружении 12 легких коротких орудий «по немецкому образцу», то в Тринадцатилетнюю войну 1654–1667 гг. количество пищалей в регименте сокращается до 5–6, а к 1670-м – до 2-х. «Роспись припасов» в составе книги № 98 Белгородского стола показывает, что полковник Ю. Инглис в 1675 г. считал достаточным в драгунском полку иметь 6 пищалей, а полковники А. Гамолтон, К. Фанбуковен – две, и «в прибавок» они не просили доставить дополнительное вооружение⁴⁷. Другая полковая роспись артиллерии полку Любима Вяземского вообще фиксирует только одну двухаршинную пушечку калибром 3/4 фунт.⁴⁸ Два орудия имел на вооружении в феврале 1678 г. драгунский полк Патрика Гордона⁴⁹. Таким образом, анализ такого рода документов позволяет сделать вывод, что шесть полковых орудий⁵⁰ в драгунском регименте 1660-х – 1670-х гг. – это максимум; «ездящая пехота» отличалась от солдатских частей исключительной мобильностью передвижения, и наличие в ней большого числа орудий, притом длинных 2-фунтовых, было ни к чему⁵¹. То есть драгунские полки, по сути, являлись «облегченными» в артиллерийском отношении частями по сравнению с солдатскими полками. С 1680-х гг. некоторые из них стали обеспечиваться оригинальными конно-вьючными орудиями «с седлы и с кругами».

Ни документы Разряда, ни остатки делопроизводства Пушкарского приказа не показывают наличия легкой артиллерии в рейтарских полках (в драгунских шквадронах рейтарских полков она также отсутствует). Только в некоторых документах Разрядного приказа есть упоминания о существовании в штатах полка «огнестрельных стрельб мастеров», которых, по всей видимости, направляли для снаряжения ручных гранат⁵². Вышесказанное позволяет сделать вывод, что артиллерия к тому времени еще не могла сопровождать кавалерию, да и огневой мощи рейтарам, вооруженным пиштолетами и карабинами, хватало.

При исследовании артиллерии самых массовых соединений XVII в. – солдатских полков –

исследователь сталкивается с проблемами иного плана, нежели при изучении стрелецкого и драгунского полкового наряда. Документов о комплектовании пехотных частей за 1650–1680-е гг. достаточно много, несмотря на то, что архивы приказов Иноземского, Сбора ратных людей, Казанского дворца, Драгунского и солдатского отпуска и др. «почили в бозе». Полковые росписи, отписки воевод, описные книги второй половины XVII в. московских приказов обладают достаточной информативностью, чтобы проследить основные тенденции развития полкового артиллерийского вооружения. Но, к сожалению, это нельзя сказать относительно документов первой половины XVII в.

Материалы Пушкарского приказа почти не сохранили сведений о посылке в формировавшиеся солдатские полки артиллерии в 1630–1640-х. Имеется несколько дел приказа, а также несколько записей, составленных «по росписям ис Пушкарского приказу» периода начального этапа формирования «нового строя ратных людей» 1630–1634 гг. Среди всего прочего упоминается деятельность в Москве шведского мастера Юлиуса Коета. Так, в челобитной П.Захарова (подана в Пушкарский приказ в 1638 г.) отмечается, что к нуждам предстоящей войны Ю.Коет делал «короткие пищали по своему немецкому образцу»⁵³. Согласно росписи Пушкарского приказа (включена в разрядную книгу Смоленского похода, август 1632 г.), к Смоленскому походу было приготовлено 116 коротких пищалей, «что литы по немецкому чертежу»⁵⁴. Однотипными орудиями оснащались все пехотные полки «по памятям ис Пушкарского приказу», согласно которым на одну роту приходилось по одному орудию⁵⁵.

Таблица 1

Полковая артиллерия солдатских полков в 1632–1634 гг.

Полк	Количество орудий	Количество рот
Кита	6	8
Маттисона	6	8
Кинемонта	8	8
Лесли	8	8
Ван Даме	8	8
Унзена	8	8
Росформа	8	8
Гордона ⁵⁶	12	12

На период второй половины 1630–1640 гг. вообще очень мало источников о полковой артиллерии пехотных полков. Но некоторые документы достаточно ярко демонстрируют производство полковых орудий. К примеру, толь-

ко 4 источника – челобитная А. Якимова 1641 г., память Г. Фальку 1640 г., приказная записка 1640 г. и «роспись пищальных образцов» 1641 г. показывают объемы производимого артиллерийского вооружения: всего с 1638 по 1641 гг., по неполным данным, пятью мастерами (А. Якимовым, Г. Фальком, М. Ивановым, Д. Кондратьевым, Н. Борановым) было отлито 186 полковых орудий калибром в 2, 3, 4 фун., пришедших на смену орудиям шведского типа⁵⁷.

Согласно полковым росписям второй половины XVII в., постоянной, регламентируемой какими-то уставами, численности орудий в полках не было. Во многом это зависело от полковников, каждый из которых считал нужным для своего регимента определенное количество пушек. Хотя надо отметить, что одного желания полковника иметь в своем полку необходимое число орудий, было мало. Окончательное решение принимал государь и руководство Пушкарского приказа, и результат этого решения зависел от наличия в оружейных складах нужного количества пушек. Часто в полковых росписях вместо перечня артиллерии стоит фраза, написанная дьяческой рукою: «сколько Государь укажет».

На период 1650–1660-х гг. сведений об отправке новоотлитой артиллерии в формировавшиеся пехотные регименты в настоящий момент нами не обнаружено. Но «конечный продукт» деятельности военных приказов по обеспечению «нового строя» – полковые росписи, отражающие «de facto» наличие артиллерии, – показывает сосредоточение орудий в войсках Севского, Московского, Казанского, Новгородского, Владимирского, Тамбовского и Белгородского разрядов.

К 1680/81 гг. была составлена «роспись перечневая ратным людем, которые в 189-м году росписаны в полки по розрядам», включающая Московский, Севский, Владимирский, Новгородский, Казанский, Смоленский, Рязанский, Белгородский, Тамбовский⁵⁸. Если сравнить ее данные с общими сведениями разрядных арсеналов, то можно составить общую картину артиллерийского вооружения пехотных полков русской армии:

Севский разряд. Франц Ульф (1347 чел.), А.А. Шепелев (выборный, 6534 чел.), М. О. Кравков (выборный, 1960 чел.), Михаил Вестов (1584 чел.), Николай Фливерк (1499 чел.), Тимофей Фандервидин (1566 чел.), Яков Ронорт (1150 чел.), Яков Фанфростен (1375 чел.), Самойло Вестов (1352 чел.), Яков Фангольстен (1387 чел.). По описи Севска 1694/95 гг. в арсенале числились 98 двухфунтовых пищалей пехотных полков, которые присланы в 1680 г.⁵⁹ Не известно, сколько находилось таких орудий во Мценске и Курске. С учетом того, что в это

Таблица 2

**Артиллерия пехотных полков
Белгородского разряда 1686 г.⁶⁴**

Полк	Количество орудий	Количество рот
Давыд фон Граама ⁶⁵	8	12
Ивана Грановского	7	8
Карлуса Ригимона	8	10
Христофора Кро	8	10
Якова Готфрида Эрнста	6	10
Даниила Пулста ⁶⁶	8	10
ИТОГО	45	60

время в Севске несли службу еще 3 стрелецких приказа, на которых приходилось 21 орудие, то на остальные 10 солдатских полков, включая двух выборных, приходилось от 77 до 90 пушек.

Белгородский разряд. В Белгороде: Яков Билс (1590 чел.), Вилим Шарф (1241 чел.), Карлус Ригиман (Ригимон) (1113 чел.). В Усерде: Андрей Борнет (1103 чел.), Кашпир Гулиц (852 чел.) (кроме того отряды солдат на Валуйках и в Чугуеве). Количество полковых пушек на протяжении 1675–1686 гг. не сильно менялось. В 1675–76 гг. в полках разряда числилось 39 полковых орудий, а в 1686 г. – 42 и еще «три пищали, которые присланы ис Курска в ... полк не отданы и устроены в Белегороде по сараям»⁶⁰.

Владимирский разряд: Иван Дубасов (894 чел.), Олферий Выберх (1322 чел.). 14 полковых орудий.

Новгородский разряд. Афанасий Росформ (1148 чел.), Мартын Гурик (1052 чел.), Яков Ловзин (960 чел.), Варфоломей Ронорт (1044 чел.). 26 полковых орудий.

Казанский разряд. Владислав Сербин (1421 чел.), Юрий Литензон (1335 чел.), Иван Гаст (1491 чел.), Иван Кегелкин (945 чел.), в Керенске: Анц Олофгран (1691 чел.), Матвей Бердовик (1426 чел.). 38–40 полковых орудий⁶¹.

Смоленский разряд. В Смоленске: у Ф.П. Салтыкова 2007 чел.⁶², Иван Юнкман (935 чел.). 6 полковых орудий.

Рязанский разряд. В Переславле-Рязанском: Яган Купер (1396 чел.), Петр Голст (1032 чел.). В Рязском: Иван Минстерман (1903 чел.), Гаврило Фалтурнер (1864 чел.). 38 полковых орудий.

Тамбовский разряд. Козлов: Юрий Франк (1512 ч.), Андрей Шниттер (1870 ч.), Табияс Калбрехт (1749 ч.), Мартын Болдвин (1729 ч.), Марк Траурнихт (1342 ч.). На Усмани: Елизарей Кро (1398 ч.), Яган Баров (1443 ч.). 48–52 полковых орудия.

Всего: 41 полк и от 289 до 308 полковых орудий.

Очередные сложности в исследовании полковой артиллерии заключаются в том, что полки, также как и командиры, часто меняли место службы, и по государеву указу передислоцировались в другие разряды, при этом сдавали старые пушечные припасы в арсенал и получали другие уже на новом месте⁶³.

Далеко не во всех случаях артиллерийскому управлению удавалось обеспечить каждую роту пехотного полка орудием. На примере росписи артиллерии полков Белгородского разряда 1686 г. можно заметить, что от одной до четырех рот в полку были «безпушечными»:

К 1686 г. белгородские regimenty имели на вооружении до 49% новейших орудий (22 пищали из 45) калибром в 2 фун. и длиной ствола в 3 аршина 7 вершков. Для сравнения укажем, что в 1675 г. в пяти солдатских полках не было ни одного орудия этого типа.

Всестороннее изучение полковых росписей, документов директивного характера (памятей, указов и наказов), полковничьих отписок и челобитных дает основание рассматривать артиллерийское вооружение большинства солдатских полков: 2-х Выборных, 2-х Белгородских, Яблоновского, Курского, 2-х Старооскольских, Ефремовского, Добринского, Мценского, Ливенского, Елецкого, Усманского, Рыльского, Белевского, Путивльского, Орловского, Брянского, Новгородского, Псковского, Владимирского, Великолуцкого, Костромского, Смоленского, Рязанского, Рязского, Козловского, 2-х Тульских, Хотмышского, Касимовского, Казанского, Воронежского, Симбирского и других. Из перечисленных regimentov своим артиллерийским вооружением особо выделяются два выборных полка, по артиллерии которых имеется достаточно информативный пласт источников – полковой архив приказа Устюжской четверти. «Архив Устюжской чети, – отмечает в своем фундаментальном труде историк московских выборных полков А.В. Малов, – содержит как документы по управлению, комплектованию, снабжению и вооружению полка, так и фрагменты собственно полкового делопроизводства (съезжего двора полка)»⁶⁷. На основании архивных материалов А.В. Малов исследовал полковую артиллерию выборных (по сути – гвардейских) частей, которая к концу 1660-х гг. «становится непременно вооружением полка»⁶⁸. Документы показывают, что в разное время полковой наряд насчитывал от 5 до 14 орудий, в том числе «скорострельные» пищали. Но автор не выходил за рамки своего исследования, а между

тем дела Устюжской четверти дополняют материалы Пушкарского приказа о производстве таких оригинальных орудий, например «список с росписи, что приказал князь Юрьи Иванович дале делати, а написал своею рукою»⁶⁹. Подобными «скорострельными пищалями» в 1660-х гг. снабжались не только выборные, но и другие соединения, в том числе и многолюдный полк Н.Баумана⁷⁰.

Таким образом, на примерах, изложенных в данной работе, можно видеть, что архив русской артиллерии XVII в., представленный в массовых приказных источниках, представляет собой характерный пример распыленности по многочисленным рукописным собраниям Москвы и Санкт-Петербурга. Всестороннее исследование всех типов приказной документации, содержащей в себе информацию об ар-

тиллерии, приобретает особое значение ввиду почти полной утраты фондов Стрелецкого, Казанского, Иноземского и других приказов.

Настоящее исследование ставит также определенные задачи в изучении архива русской артиллерии, которые необходимо решать в перспективе. Основу заданного направления в изучении архива русской артиллерии XVII в. должна составлять методология исторического исследования, которая выстроена по классической схеме: поиск, выявление, систематизация и анализ приказных документов, разбросанных по рукописным собраниям. Анализ систематизированных документов архива артиллерии XVII в. позволяет разрешить множество спорных вопросов в отечественной историографии, а также сделать ряд совершенно новых оригинальных выводов.

¹ Струков Д.П. Архив русской артиллерии Т. I. (1700–1718). Издание в память 500-летней годовщины русской артиллерии / Под ред. Н. Е. Бранденбурга. СПб., 1889. Предшественником этого труда можно считать работу Н.Е. Бранденбурга «Приказ артиллерии 1701–1729 гг.» (СПб., 1876);
² См.: Лобин А.Н. Материалы Пушкарского приказа как исторический источник // Историография и источниковедение Отечественной истории. Сб. науч. ст. Вып. 3. СПб., 2003. С. 105–115.

³ Шашевский Е. Смоленская война (1632–1634). Организация и состояние московской армии. Киев, 1919. С. 179.

⁴ Боявленский С.К. О Пушкарском приказе // Сборник в честь М.К. Любавского. Пг., 1917. С. 362.

⁵ Лебедевская А.П. Пушкарский приказ. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 1950.

⁶ Лебедевская А.П. Архив Пушкарского приказа // Вопросы истории. 1946. № 1. С. 122–130.

⁷ Центральный государственный архив древних актов СССР. Путеводитель. В четырех томах. Том 1. М., 1991. С. 109.

⁸ Чернов А.В. ЦГАДА как источник по военной истории Русского государства до XVIII века // Труды московского государственного историко-архивного института. Т. IV. 1948. С. 122.

⁹ Дополнения к актам историческим. Т. V. СПб., 1853. № 51. С. 293.

¹⁰ Там же. № 77. С. 391.

¹¹ Крепостная мануфактура в России. Ч. 1–2. Л., 1930–1931; АВИМАИВиВС. Ф. 1 (Пушкарский приказ). Кн. 19. 254 л.

¹² Колосов Е.Е. Развитие артиллерийского вооружения в России во второй половине XVII века // Исторические записки. Т. 1. 1962. С. 259–269; Архив СПбИИ РАН. Ф. 175. Оп. 1. № 248. Ст. 1; по всей видимости, имеются в виду легкие мортиры.

¹³ См. Дело об отпуске к огнестрельному мастеру Г. Тимсону, гранатчикам В. Иванову, Г. Калинину и иноземцу Эману гранат и припасов. Май – июнь 1671 г. // АВИМАИВиВС. Ф. 1. № 348. Ст. 1–4.

¹⁴ РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Кн. Белгородского стола. Кн. 98. Л. 57.

¹⁵ Есипов Г.В. Сборник выписок из архивных бумаг о Петре Великом. Ч. 1. СПб, 1872. С. 310.

¹⁶ АВИМАИВиВС. Ф. 1. Кн. 3, 4, 6, 7.

¹⁷ Там же. Кн. 21.

¹⁸ АСПБИИ РАН. Ф. 175 (И.Х. Гамеля). Оп. 1. № 329.

¹⁹ Напр. АСПБИИ РАН. Ф. 175. Оп. 1. № 465.

²⁰ В качестве примера можно указать на одну из работ

О.А. Курбатова, в которой как раз и привлекаются подобные материалы. См.: Курбатов О.А. Полк Антония Грановского в походе 1654 г.: о положении иноземных специалистов инженерного и артиллерийского дела в русском войске // Иноземцы в России в XV–XVII веках. Сборник материалов конференций 2002–2004 гг. М., 2006.

²¹ Сборник Московского архива Министерства Юстиции. Т. VI. М., 1914. С. 40–52; РГАДА Фонд 210 (Разрядный приказ). Книги Новгородского стола. Кн. 66. Лл. 98–179; Кн. 70. Лл. 5–71 об.

²² РГАДА. Фонд 210 (Разрядный приказ). Книги Новгородского стола. Кн. № 71. Л. 5 об.; Ныне хранятся в Военно-историческом музее артиллерии, инженерных войск и войск связи.

²³ Русская историческая библиотека (РИБ). Т. 21. Кн. 1. СПб., 1907. Стб. 679.

²⁴ Там же. Стб. 675.

²⁵ РГАДА. Ф. 210. Ст. Белгородского стола. Ст. № 741. Более подробно этот документ будет проанализирован в статье: Лобин А.Н. Несостоявшийся Азовский поход 1673 г. [статья в печати]

²⁶ Левыкин А.К. Пушечный наряд и пушкарские во 2-й половине XVII в. в России (по материалам южно-русских городов). Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 1985. С. 121–122.

²⁷ Под этим термином автор подразумевает один из отделов государственного учреждения XVII в.

²⁸ РГАДА. Фонд 210 (Разрядный приказ). Кн. Белгородского стола. Кн. 152. Л. 293.

²⁹ Изменения в городовой артиллерии (по сметным спискам 1629, 1637 гг., Описной книге пушек и пищалей 1646 г. и Описи 1678 г. // Лобин А.Н. Материалы Пушкарского приказа как источник изучения русской артиллерии XVII в. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. СПб., 2004. Таблица I. С. 167–170.

³⁰ ОР РНБ. Ф. 550. F-IV-75. Л. 4–127 об.

³¹ РИБ. Т. II. СПб., 1875. С. 559; АИ. Т. III. СПб., 1841. С. 85; Оглоблин Н. Обзорные столбцы и книг Сибирского приказа. Т. 1. М., 1895.

³² Акты Московского государства. Т. I. СПб., 1890. С. 617.

³³ Там же. Т. II. СПб., 1894. С. 113, 347, 662.

³⁴ РГАДА. Фонд 210. Разрядный приказ. Кн. Московского стола № 93; опуб.: Дополнения к Актам историческим Т. IX. СПб., 1875. № 106

³⁵ Кирпичников А.Н. Описная книга пушек и пищалей как источник по истории средневековой русской артиллерии // Сб. исследований и материалов Артиллерийского исторического музея. 1959. Вып. IV. С. 265–289.

³⁶ Владимиро-Суздальский историко-архитектурный и

художественный музей-заповедник. Владимирское отделение. № 5636/513.

³⁷ Архив ВИМАИВиВС. Фонд 1 (Пушкарский приказ). № 328.

³⁸ Там же. № 265.

³⁹ Там же. № 308.

⁴⁰ Там же. № 310.

⁴¹ Там же. № 307.

⁴² Там же. № 304.

⁴³ Там же. № 311.

⁴⁴ РГАДА Фонд 210 (Разрядный приказ). Книги Белгородского стола. Кн. 98. Лл. 28–70 об., 134–138.

⁴⁵ Лобин А.Н. Артиллерия стрелецких приказов во второй половине XVII в. // Бомбардир. 2007. № 19. С. 88–96.

⁴⁶ Центральный государственный архив древних актов. Путеводитель. Т. 1. М., 1991. С. 54.

⁴⁷ РГАДА. Ф. 210. Книги Белгородского стола. Кн. 98. Л. 74–80.

⁴⁸ Там же. Кн. 152. Л. 296: «Да в Белегороцком ж полку драгунского строю в Любимове полку Вяземского наряду: пищаль медная, прислана с Москвы во 176 году московского литья, подпись и признак вылитых никаких нет, по весу 6 пуд, мерою два аршина, к ней 100 ядер железных весом по 3 четверти фунта ядро, прозвание той пищали никакого нет».

⁴⁹ «2 пищали медных, к ним 196 ядер» (Приложение № 14 // Гордон П. Дневник 1677–1678 гг. / Пер. с англ., статья и примеч. Д.С. Федосова. М.: Наука, 2005. С. 114).

⁵⁰ Севский воевода в 70-х гг. в отписке писал: «У Севских драгунов в полку у майора 5 пищалей медных полковых, а к ним 420 ядер железных по 2 гривенки» (Акты Южной и Западной России. Т. XV. СПб., 1892. № 5. С. 218).

⁵¹ Известно, что в последующих походах их часто могли использовать для сопровождения гужевого транспорта и артиллерии. Так, в походе 1679 г. упоминаются комарицкие драгуны «с подводы, которые были в рейтарских и в драгунских полках и в стрелецких приказах под пушки и подо всякие полковые припасы». Книги Разрядные, по официальным оным спискам... Т. 2. Стб. 1352, 1362.

⁵² РГАДА. Фонд 210 (Разрядный приказ). Ст. Белгородского стола. № 1210. Лл. 193–194 (посылка огнестрельного мастера и гранатных дел учеников из Пушкарского приказа в рейтарский полк Я. Одоврина, 1672 г.)

⁵³ АСПБ ИИ РАН. Ф. 175. (И.Х. Гамеля). Оп. 1. № 38. Л. 1

⁵⁴ Отдел рукописей РНБ. Эрмитажное собр. № 461. Л. 70 об.

⁵⁵ Розрядные записи осады Смоленска // ОР РНБ. Эрмитажное собр. № 461. Л. 70 об.; РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Ст. Московского стола. № 76. Л. 102–105.

⁵⁶ Полк А. Гордона был драгунским.

⁵⁷ Лобин А.Н. Полковая артиллерия в царствование Михаила Федоровича (1613–1645 гг.) // Исследования по истории средневековой Руси. Сб. ст. в честь 80-летия Ю.Г. Алексеева. СПб., 2006. С. 291–294.

⁵⁸ Иванов П.И. Описание государственного Разрядного архива, с присовокуплением списков со многих хранящихся в оном любопытных документов. М., 1842.

⁵⁹ С длиной ствола в 3 аршина 7 вершков. См.: Епифанов П.П. Оружие. С. 278. Со ссылкой на опись Севска: РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Кн. Севского стола. Кн. 23. Лл. 32–117.

⁶⁰ РГАДА. Фонд 210. Разрядный приказ. Книги Белгородского стола. Кн. № 131. Л. 290.

⁶¹ Данные приблизительные.

⁶² Данные по смоленским солдатам Ф.П. Салтыкова нет.

⁶³ Так, в 1680/81 гг. «полковые припасы, зелье и свинец, оставлены ис полков в Белегороде, которые полки отпущены из Белагорода в Тонбовской розряд». РГАДА. Фонд 210. Разрядный приказ. Книги Белгородского стола. Кн. № 131. Л. 293 об.

⁶⁴ РГАДА. Фонд 210. Разрядный приказ. Книги Белгородского стола. Кн. № 131. Лл. 273 об.–279.

⁶⁵ Солдатский полк в составе генеральского полка (дивизии) генерал-майора Д.В. фон Граама.

⁶⁶ «В прошлом во 190-ам году прислано ис Курска в тот полк восемь пищалей, да к тем пищалем восьмьсот ядер, и с той присылки дано в тот полк пять пищалей медных на станках и на вертлюгах, с колесы и з дышлы, окованы железом» (Фонд 210. Разрядный приказ. Книги Белгородского стола. Кн. № 131. Л. 288 об.). Из 8 пищалей 5 устроены в полку, а 3 «устроены в Белегороде по сараям».

⁶⁷ Малов А.В. Московские выборные полки солдатского строя в начальный период своей истории. 1656–1671 гг. М., Древлехранилище, 2006. С. 25.

⁶⁸ Там же. С. 307.

⁶⁹ «Зделать 24 пушек скорострельных (...) К 24 пушкам скорострельным и дробным 150 картуз к пушке с ядрами да по полтараста картуз к пушке дробовых, и всего к 24 скорострельным пушкам с ядрами и дробных картуз 3600 надобно...» ОР РНБ. Ф. 532 (ОСАГ). № 1923.

⁷⁰ ОР РНБ. Ф. 532. (ОСАГ). № 1363.